

В. А. Троицкий

**РУССКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ
НА СЕВЕРЕ ПОЛУОСТРОВА ТАЙМЫР
В XVIII ВЕКЕ**

Русские землепроходцы стали проникать на полуостров Таймыр в конце XVI — начале XVII вв., сначала в низовья рек Енисей и Пясины, а затем — в бассейны рек Хеты и Хатанги. Постоянные русские селения на этих реках и на арктическом побережье между Енисеем и Пясиной возникли только в конце XVII — начале XVIII века¹.

Первые достоверные сведения о названиях этих селений и местах их нахождения дает карта Мангазейского уезда, составленная геодезистом П. Чичаговым в 1725—1730 гг.² На этой карте отмечены самые северные селения на морском побережье в устьях Пясины и Хатанги, а также в верховьях притока Пясины — реки Дудыпты. П. Чичагов нанес на карту и реку Таймыру, впадающую в море между Пясиной и Хатангой, однако населенных пунктов в ее бассейне не показал.

В историко-этнографической литературе достаточно полно освещено освоение русскими южных районов полуострова Таймыр, ограниченных бассейнами рек Енисей, Пясины, Хеты и Хатанги³, но о том, как далеко на север полуострова Таймыр распространились русские поселения, достоверных сведений почти нет.

В последние десятилетия побережье полуострова Таймыр исследовалось многими гидрографическими экспедициями, попутно выявившими и следы старинных русских поселений. Собранные данные при сопоставлении с опубликованными и хранящимися в архивах позволяют уточнить северную границу русской колонизации Таймыра в XVIII веке.

Географическое положение самых северных промысловых зимовий на Таймыре в 40-х гг. XVIII в. можно установить по путевым журналам участников Второй Камчатской экспедиции Д. Стерлегова, Х. Лаптева и С. Челюскина за 1740—1742 гг. путем навигационной прокладки их маршрутов на современных картах. К северу от устья реки Пясины находились два постоянных зимовья: Верхне-Пясинское (на нынешнем мысе Старожилы, против острова Фарватерный) и Нижне-Пясинское (в северо-восточной части Пясинского залива). В 10 км к северо-западу от Нижне-Пясинского зимовья (на современном мысе Носок) стоял «бала-

¹ В. А. Александров, Русское население Сибири XVII и начала XVIII веков, М., 1964, стр. 15; Н. К. Ауэрбах, Заселение и развитие промыслов в низовьях реки Енисей, «Научно-промысловые исследования Сибири», сер. А, вып. 6, Красноярск, 1929, стр. 11.

² В. А. Троицкий, О картах Сибири геодезиста Петра Чичагова, «Изв. Всесоюзного географического о-ва» (далее «Изв. ВГО»), т. 10, 1974, стр. 139.

³ В. А. Александров, Указ. раб.; Н. К. Ауэрбах, Указ. раб.; М. И. Белов, Арктическое мореплавание с древних времен до середины XIX в., т. I, «История открытия и освоения Северного морского пути», М., 1956; Б. О. Долгих, Население полуострова Таймыр и прилегающего к нему района, «Северная Азия», 1929, № 2; В. Н. Скалон, Из истории древних русских поселений на Крайнем Севере Сибири, «Изв. Иркутского сельскохозяйственного ин-та», вып. 18, 1960.

Рис. 1. Место городища зимовья Н. Фомина

Рис. 2. Детали старинных нарт, найденные на месте зимовья Н. Фомина

ган». В 40-х гг. XVIII в. это была самая дальняя от устья Пясины постройка на севере⁴. Развалины этих поселений сохранились до сих пор.

Следы проникновения человека на Западный Таймыр Х. Лаптев и С. Челюскин обнаружили и еще севернее — на южном входном мысе залива Миддендорфа (современный мыс Лемана), где они «сыскали старые огнища» на песчаной косе⁵. Вблизи этого места в 1961 г. были найдены остатки человеческого черепа, возможно, относящегося ко времени «старых огнищ»⁶. К заливу Миддендорфа предшественники Х. Лаптева и С. Челюскина проникли, вероятно, от устья Пясины. Сюда, види-

⁴ Центральный Государственный Архив Военно-Морского флота (далее ЦГАВМФ), ф. 913, оп. 1, д. 41, л. 121; д. 48, л. 118; В. А. Троицкий, Остров Диксон. Историко-географический очерк, Красноярск, 1972, стр. 76.

⁵ ЦГАВМФ, ф. 913, оп. 1, д. 41, л. 119.

⁶ В. А. Троицкий, Остров Диксон, стр. 40

мо, добралась одна из тех русских экспедиций, которые сибирские власти не раз посылали в XVII в. из Енисея для прохода морем к устью Лены⁷.

На нынешнем мысе Восьмого марта (76°15' сев. шир.) С. Челюскин в 1742 г. нашел построенное незадолго до его путешествия зимовье хатангского жителя Скородина⁸. Это наиболее северное поселение на восточном берегу Таймыра.

По путевому журналу Х. Лаптева (1741 г.) можно восстановить место нахождения зимовья «новокрещенного якута» Никифора Фомина⁹ на Таймырской губе, построенного за 7 лет до посещения этих мест Х. Лаптевым¹⁰. В журнале содержатся сведения о том, что якут Н. Фомин выехал на промысел на 80 верст к северу от устья реки Таймыры, пере-

Рис. 3. Местонахождение развалин поселений XVIII в. в р-не Таймырской губы: а — развалины зимовий; 1 — остатки сруба (2,5×6,5 м), впервые обнаруженного в 1915 г. экспедицией Б. А. Вилькицкого; 2 — городище зимовья Н. Фомина, найденное в 1972 г.; 3 — развалины постройки (2,5×3 м), обнаруженной в 1843 г. А. Ф. Миддендорфом

секая нынешний полуостров Оскара. Когда Х. Лаптев после трех дней пути на северо-восток от зимовья Н. Фомина достиг южного берега нынешнего залива Дика (76°42' сев. шир.), он записал: «Здесь наехали маяк Фомичев»¹¹. Эта запись свидетельствует о том, что Н. Фомин бывал здесь не один раз и поставил деревянный знак для опознания местности.

Можно утверждать, что в районе от Хатанги до озера Таймыр, а также по берегам Нижней Таймыры не было в XVIII в. ни одного населенного пункта. Поскольку и Х. Лаптев и С. Челюскин предпочитали останавливаться на ночлег в зимовьях, они обязательно упомянули бы о них в журналах.

В 1843 г. Таймырскую губу посетил А. Ф. Миддендорф, но он дошел только до расположенного в устье реки Таймыры островка Бэра, от которого до зимовья Н. Фомина оставалось еще 12 км.

На острове Бэра А. Ф. Миддендорф нашел развалившуюся избушку, которую он ошибочно принял за упомянутое Х. Лаптевым зимовье Н. Фомина¹². В 1901 г. эту избушку видел Э. В. Толль, указавший ее точное местонахождение¹³. В соответствии с указаниями, приведенными в его записках, в 1972 г. в этом месте были найдены остатки постройки — следы нижних вен-

⁷ А. Ф. Миддендорф, Путешествие на север и восток Сибири, ч. I, СПб., 1860.
⁸ ЦГАВМФ, ф. 913, оп. I, д. 41, л. 159.
⁹ А. Ф. Миддендорф и Э. В. Толль неточно называют его «якутом Фомой». См.: А. Ф. Миддендорф, Указ. раб., стр. 92; Э. В. Толль, Плавание на яхте «Заря», М., 1959, стр. 204.

¹⁰ Х. П. Лаптев, Берег меж Лены и Енисея, «Записки Гидрографического департамента», т. XX, 1851, стр. 22.

¹¹ Х. П. Лаптев, Журнал пути 1741 г., в кн.: А. Ф. Миддендорф, Указ. раб., стр. III.

¹² А. Ф. Миддендорф, Указ. раб., стр. 92.

¹³ Э. В. Толль, Указ. раб., стр. 203.

нюдь не была зимовьем Н. Фомина, в котором останавливались Х. Лаптев и С. Челюскин вместе с 3—4 солдатами. Построил ли на острове Бэра избу якут Н. Фомин или же живший на Таймырской губе в конце XVIII в. Фирс, поселенец с реки Дудыпты (о нем упоминает А. Ф. Миддендорф)¹⁴, неизвестно.

Постройки были обнаружены и на северо-восточном берегу Таймырской губы. В 1915 г. на Таймырскую губу заходили гидрографические суда «Таймыр» и «Вайгач». С них близ мыса Медвежий Яр была видна «развалившаяся поварня»¹⁵. Эта постройка стояла на прибрежном холме близ устья нынешней речки Неудобной (в 15 км к северо-западу от зимовья Н. Фомина). Ныне от этой постройки сохранились два нижних венца.

В 1929 г. Б. О. Долгих опубликовал сведения, которые он получил на Таймыре в 1927 г.¹⁶ Ему сообщили, что местные жители видели на берегу какой-то безымянной реки, впадающей в море к западу от устья Таймыры три русских избы. В одной из этих изб, расположенной в одном дне пути от устья неизвестной реки вверх по ее течению, были найдены русские предметы и детская люлька¹⁷. На приложенной к статье Б. О. Долгих картосхеме эти три избы показаны на нынешней реке Коломейцева, в 100 км западнее устья Нижней Таймыры. Однако это вряд ли соответствует действительности. В 1901 г. участниками русской полярной экспедиции Академии наук А. А. Бялыницким-Бируля и Г. Э. Вальтером была составлена первая карта района, прилегающего к устью реки Коломейцева, но никаких изб на ней не показано. Трудно предположить, чтобы исследователи не заметили построек, если бы они действительно были. Геологи и картографы, обследовавшие реку Коломейцева в последние десятилетия, также не обнаружили в этом районе строений.

На карте Туруханского края, составленной в 1929 г. Красноярским отделом Географического общества (при участии Б. О. Долгих) цепочка из трех изб показана уже на самой Нижней Таймыре, причем почти в среднем течении реки¹⁸. Ссылаясь на Б. О. Долгих, многие исследователи и сейчас высказывают предположение, что в низовьях Нижней Таймыры русские поселения возникли в первой четверти XVII века¹⁹.

Можно ли считать окончательной точку зрения, что упомянутые выше избы были расположены на Нижней Таймыре?

Отметим, что еще А. Ф. Миддендорф писал: «Низовой части р. Таймыры не достигает ни одно из кочующих племен, даже в летние свои странствования... никто из них не доходил до соленой воды»²⁰. Остатки русских поселений на реке Нижней Таймыре несомненно были бы замечены Х. Лаптевым и С. Челюскиным в 1741—1742 гг., однако в их журналах ни разу не упоминается о существовании жилья в этом районе. В 1843 г., спускаясь вниз по реке, А. Ф. Миддендорф напряженно искал на ее берегах следы пребывания своих предшественников, но на всем пути он заметил только несколько щепок, рубленых топором, и выделанную мамонтовую кость²¹.

В 1969 г. Б. О. Долгих, еще раз проанализировав сообщение о трех русских избах, пришел к выводу, что река и избы, о которых ему сообщили в 1927 г., вероятно, находятся в районе, расположенном не очень да-

¹⁴ А. Ф. Миддендорф. Указ. раб., стр. 75.

¹⁵ А. М. Лавров, Дневник 1915 г., Архив ВГО, р. 19, оп. 1, д. 5, л. 378.

¹⁶ Б. О. Долгих, Указ. раб., стр. 67.

¹⁷ Там же.

¹⁸ «Объяснительная записка к географической карте Туруханского края», Красноярск, 1928, стр. 9.

¹⁹ Д. М. Лебедев, В. А. Исаков, Русские географические открытия и исследования, М., 1971, стр. 109.

²⁰ А. Ф. Миддендорф, Указ. раб., стр. 19, 75.

²¹ Там же, стр. 92.

леко от устья Пясины²². Если эти постройки видели поблизости от устья Пясины, то скорее всего, Б. О. Долгих получил сведения о них от иганасан, сопровождавших в 1921 г. Н. А. Бегичева во время поисков двух пропавших норвежцев — участников экспедиции Р. Амундсена. Просмотр дневников Н. А. Бегичева и прокладка его маршрута на современной карте по записанным им компасным направлениям пути и пройденным расстояниям, показывают, что в 40 верстах севернее устья Пясины

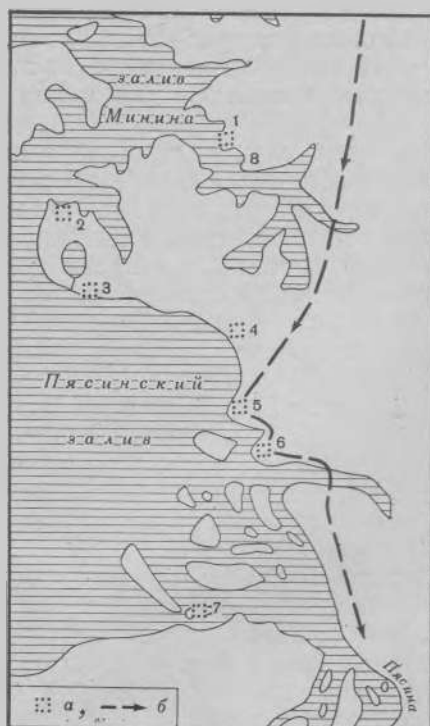

Рис. 4. Местоположение развалин поселений XVIII века в Пясинском заливе: а — развалины зимовий; б — маршрут Н. А. Бегичева; 1 — остатки сруба (2×4 м) на юго-восточном берегу фьорда Хутуда; 2 — городище (5×20 м); обнаружено в 1934 г. гидрографами; 3 — место «балагана», упоминаемого Х. Лаптевым и Д. Стерлеговым как наиболее северное поселение (1741 г.). Ныне здесь постройки зимовья Рыбное; 4 — остатки сруба (3×8 м) на месте «Нижне-Пясинского» зимовья, указанного Х. Лаптевым и Д. Стерлеговым (1741 г.); 5 — остатки городища (6×20 м) соответствующие «четырёхкомнатной избе», обнаруженной в 1921 г. Н. А. Бегичевым; 6 — место «Верхне-Пясинского» зимовья, указанного Х. Лаптевым и Д. Стерлеговым (1741 г.). Ныне здесь зимовье Лидия, возле которого заметны развалины постройки (4×6 м); 7 — развалины большого зимовья, в котором провел весну Х. Лаптев в 1741 г. Близ современных построек заметны развалины двух срубов размером около 5×20 м каждый; 8 — место современного зимовья Хутуда

Н. А. Бегичев видел две развалившиеся избы, одна из которых находилась на нынешнем мысе Восточный, а вторая — на мысе Старожилов севернее протоки Старицы²³. Остатки их можно видеть и теперь. Четырёхкомнатная изба расположена несколько севернее мыса Восточный. Построена она, без сомнения, позднее 1741 г., так как Х. Лаптев о ней не упоминает. Вторая изба на мысе Старожилов соответствует местоположению Нижне-Пясинского зимовья. Это можно установить путем сравнения маршрутов Х. Лаптева и Д. Стерлегова с маршрутом Н. А. Бегичева.

В 1934 г., высадившись в 100 км к северу от устья Пясины, гидрографы нашли полуразрушенное зимовье на юго-западном входном мысе бухты Рыбной. Остатки этой избы хорошо заметны и теперь. Судя по размерам (20×5 м), это несомненно было большое «коренное» зимовье²⁴. В конце 30-х гг. древние развалины небольшого (4×5 м) строения были обнаружены еще севернее — на северо-восточном мысе фьорда Хутуда.

В 1740—1741 гг., когда в этих местах были Д. Стерлегов и Х. Лаптев, ни в бухте Рыбной, ни в фьорде Хутуда зимовий не было. Если бы путешественники обнаружили здесь постройки, они несомненно упомянули бы об этом в своих дневниках, поскольку для них было чрезвычайно важно иметь пристанище севернее устья реки Пясины. Между тем, наи-

²² Это мнение высказано в письме Б. О. Долгих к автору от 17-го ноября 1969 г.

²³ «Дневник Н. А. Бегичева», Архив АН СССР, ф. 47, оп. 5, д. 6; д. 8, лл. 9—11.

²⁴ В. А. Тронцкий, Остров Диксон, стр. 53.

более северным жильем они оба называют «балаган», стоявший на мысе Носок, в 50 км южнее бухты Рыбной. Так как в XIX—30-х годах XX в. никаких промыслов севернее устья Пясины не было²⁵, можно предположить, что зимовья в бухте Рыбной и во фьорде Хутуда возникли после Второй Камчатской экспедиции, однако не позже 1760 г. С конца 1760-х гг. промыслы на побережье между островом Диксон и рекой Пясиной пришли в упадок вследствие секуляризации Туруханского монастыря (владельца зимовий) и вывода населения с севера Туруханского края на южные границы Сибири²⁶. Карта Туруханского края, составленная местным исправником в 1784 г., показывает, что на морском побережье между устьем реки Пясины и Енисейским заливом в это время не было ни одного поселения²⁷. Отмечены лишь поселения в Енисейском заливе. На этой же карте подписано: «Зимовей в натуре 24 для песцового промысла владельца енисейского мещанина Портнягина». Видимо, эти зимовья располагались на восточном берегу Таймыра. В 1780-х гг. промыслы здесь еще процветали. Потомки Портнягина занимались охотой и рыболовством на берегах Хатангского залива вплоть до 1920-х гг.²⁸

Наиболее северное поселение на Восточном Таймыре, отмеченное в 1742 г. С. Челюскиным, — зимовье Скородина — располагалось на нынешнем мысе Восьмого марта (76°15' сев. шир.). В 1940 г. топографы обнаружили небольшую развалившуюся избу в 12 км к северо-западу от мыса Восьмого марта. Место, где она стояла, было названо мыс Избойной²⁹. По современным данным это наиболее северное поселение на восточном берегу Таймыра, построенное русскими промышленниками, проникшими сюда со стороны Хатанги.

Следы проникновения русских найдены также в 160—200 км к северо-западу от зимовья Скородина — на острове Фаддея в районе залива Симса. В 1940 г. здесь были обнаружены развалившаяся избушка и остатки лагеря неизвестной русской экспедиции, потерпевшей кораблекрушение в первой половине XVII в., и найден клад, состоящий из монет и других предметов. В литературе его называют «таймырской находкой» и датируют 1617—1619 гг. Датировка основана на данных нумизматического анализа серебряных монет-копеек. При этом исследователи предполагают, что монетный клад «судя по всему слагался на севере Поморья»³⁰. Сторонники этой точки зрения не принимают во внимание, что такой клад мог сложиться в Мангазее или Якутске. Поэтому делается недостаточно обоснованный вывод, что, поскольку в те годы на Лене или Хатанге еще не было развитых торгово-промышленных центров, из которых могла быть снаряжена такая экспедиция, потерпевшие кораблекрушение прибыли на остров Фаддея из Карского моря, обогнув мыс Челюскин³¹. В литературе отмечалось, что вряд ли правомерно отождествлять время завершения собирания клада со временем его доставки на северо-восток Таймыра. Возможен разрыв между этими событиями в 15—20 лет, поскольку путешествия в Сибирь были длительными; кроме того, монетный клад «мог составить в результате многих неизвестных нам обстоятельств»³². Сомнение в том, что мореходы прибыли на острова Фаддея с

²⁵ Там же, стр. 54.

²⁶ В. А. Александров, Указ. раб., стр. 77; Н. К. Ауэрбах, Указ. раб., стр. 12; В. А. Троицкий, Остров Диксон, стр. 47; «Сенатский архив», т. XIII, СПб., 1913, стр. 43, 70.

²⁷ «Географический атлас Тобольского наместничества 1784 г.», п. 15, Картохранилище Географического общества СССР, инв. Р-90.

²⁸ В. Н. Схалон, Указ. раб., стр. 305.

²⁹ А. И. Косой, На восточном побережье Таймырского полуострова, М., 1944, стр. 68.

³⁰ «Исторический памятник русского арктического мореплавания XVII века», Л.-М., 1951, стр. 212.

³¹ Там же, стр. 4, 211.

³² М. И. Белов, Мангазее, Л., 1969, стр. 112.

запада, возникает еще и потому, что в составе «таймырской находки» обнаружено большое количество остатков шкурок пушных зверей, причем, более половины из них — собольи³³. Возникает вопрос, зачем было везти в неведомые земли так много драгоценных собольих мехов? Добыть же соболя у берегов Таймыра было невозможно, поскольку в этих местах он не водится. Этот и другие факты³⁴ позволяют предположить, что владельцы «таймырской находки» могли прибыть на остров Фаддея с востока, скорее всего из устья Лены, откуда они хотели вывезти «пушную казну» в Россию по морю. Весьма вероятно, что это путешествие было предпринято в середине 30-х гг. XVII в. из Якутского острога, основанного в 1633 г.

Тщательный осмотр северных районов побережья Таймыра между Таймырской губой на западе и заливом Симса на востоке, проведенный в летние месяцы 1970—1972 гг. гидрографическими экспедициями Министерства морского флота и коллективом полярников мыса Челюскин в поисках следов экспедиции В. А. Русанова, пропавшей в Карском море в 1912 г., не выявил здесь остатков построек, аналогичных развалинам избушки на острове Фаддея.

Летом 1972 г., ориентируясь по пеленгам, записанным в журнале Х. Лаптева, которые он брал из зимовья Н. Фомина на соседние мысы Таймырской губы, нам удалось найти городище этого зимовья. Оно находится на южном берегу устья крупного ручья в 3,2 км к северу от мыса Шатер и занимает площадь 20×6 м. Видимо, эти развалины уже давно накрыл оползень. Под дерном угадываются контуры построек, торчат полусгнившие бревна и ребра деревянных дисков — поплавков рыболовных сетей. Одна из сторон зимовья граничит с галечным морским пляжем. При сильных подъемах уровня воды в Таймырской губе край городища размывается прибоем. В обрыве культурного слоя высотой 0,5—1 м заметны волноприбойная ниша и вымываемые деревянные детали. Среди них мы нашли обломок полоза и копыл (вертикальная стойка) нарты собачьей упряжки. Нарты такого типа, имеющие «толстые копылья в форме гитары, со слабо загнутыми сверху широкими полозьями... распространены у якутов к востоку от Хатанги»³⁵.

Следовало бы произвести археологические раскопки известных теперь развалин трех старинных зимовий в Таймырской губе: в устье реки Неудобной севернее мыса Шатер и на острове Бэра. Возможно, что здесь будут обнаружены какие-то предметы, оставшиеся от пребывания Х. Лаптева и С. Челюскина. Но главное в том, что благодаря раскопкам удастся установить, когда возникли и когда были покинуты эти самые северные поселения на Таймыре.

Уже отмечалось, что прежде чем обойти с запада мыс Челюскин, землепроходцы XVII в. должны были освоить устье реки Нижней Таймыры³⁶. Если бы зимовья на севере полуострова Таймыр можно было датировать началом XVII в., гипотеза о прибытии мореплавателей на остров Фаддея с запада получила бы серьезное подтверждение. С раскопками зимовья Н. Фомина в Таймырской губе следует поспешить, так как оно размывается морем. Кстати, добраться теперь в Таймырскую губу можно без трудностей: летом 2—3 раза в месяц туда летают гидросамолеты из Хатанги за свежей рыбой.

³³ В. А. Троицкий, Новые находки на острове Фаддея, «Изв. ВГО», т. 106, 1973, вып. 1, стр. 63.

³⁴ Там же, стр. 64, 65. С. В. Обручев считал необходимым «пересмотреть вновь всю проблему с „таймырской находки“ — В. Т.) и изучить все материалы, чтобы заново решить некоторые вопросы, остающиеся спорными и неясными» (С. В. Обручев, Таинственные истории, М., 1973, стр. 17).

³⁵ Б. О. Долгих, Указ. раб., стр. 55.

³⁶ В. А. Троицкий, Новые находки на острове Фаддея, стр. 64.